

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 173–185.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 2. P. 173–185.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-173-185

РУССКИЙ «ЛОГОС» И ЕВРОПЕЙСКОЕ «РАЦИО»: ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ОЦЕНКЕ А. Ф. ЛОСЕВА

Ирина Викторовна Гравина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, ei-rene@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7198-1323>

Аннотация. В статье рассматривается осмысление А. Ф. Лосевым роли русской философии в контексте ее диалога с европейской на основе одноименного раннего текста «Русская философия» (1919). С точки зрения Лосева, русская философия — только зарождающееся и формирующееся явление, требующее осмысления и детального осознания ее отличий от западной мысли. В раннем периоде творчества Лосев буквально грезил о создании самобытной русской философии, эту идею он не оставил и в поздний период. Критерием основного различия Лосев полагает не новую для русской философии в целом концепцию противопоставления «логоса» и «рацио». Логоцентричность русской культуры

заключена в ее мистико-религиозных основаниях, «мистическом реализме», как утверждает Лосев. Эти основания не исчезнут даже в «атеистический» советский период ее истории. Рационализм же западной культуры чужд русскому самосознанию, поэтому европейская философия не способна полноценным образом отразить существа ни русской истории, ни русской антропологии. Хотя размышления о русской философии как таковой не были предметом лосевского исследовательского интереса, они имплицитно оказали огромное влияние на его творчество. Обозначено, насколько важны его ранние, еще не совсем самостоятельные идеи для последующих целей и задач.

Ключевые слова: Лосев, русская философия, русский логос, рацио, русская и европейская философия

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гравина И. В. Русский «логос» и европейское «рацио»: значение русской философии в оценке А. Ф. Лосева // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 173–185.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-173-185.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

RUSSIAN 'LOGOS' AND EUROPEAN 'RAZIO':
THE MEANING OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE ASSESSMENT OF A. F. LOSEV

Irina V. Gravina

National Research University "Higher School of Economics"
(HSE University),

Moscow, Russia, ei-rene@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7198-1323>

Abstract. The article deals with A. F. Losev's understanding of the role of Russian philosophy in the context of its dialogue with European philosophy on the basis of his early text of the same name "Russian Philosophy" (1919). From Losev's point of view, Russian philosophy is only a nascent and emerging phenomenon that requires

comprehension and detailed realisation of its differences from Western thought. In the early period of his work, Losev literally dreamed of creating distinctive Russian philosophy he did not abandon this idea in the late period of his work. The criterion of the main distinction Losev considers the concept of the opposition between “logos” and “razio” to be the criterion of the main distinction, which is not new for Russian philosophy as a whole. The logocentricity of Russian culture lies in its mystical-religious foundations, “mystical realism”, as Losev claims. These foundations will not disappear even in the “atheistic” Soviet period of its history. The rationalism of Western culture is alien to Russian self-consciousness, so European philosophy is unable to fully reflect the essence of either Russian history or Russian anthropology. Although reflections on Russian philosophy as such were not the subject of Losev’s research interest, they implicitly had a great influence on his work. The importance of his early, still not quite independent ideas for later aims and objectives is outlined.

Keywords: Losev, Russian philosophy, Russian logos, rationality, Russian and European philosophy

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Gravina, I. V. (2025) “Russian ‘Logos’ and European ‘Razio’: the meaning of Russian philosophy in the assessment of A. F. Losev”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(2), pp. 173–185. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-173-185.

Дискуссии относительно статуса русской философии в отечественной культуре до сих пор остаются проблемным местом в интеллектуальном пространстве. Порой звучат точки зрения, что русской философии нет как таковой — она лишь калька с европейской; спорят и о том, в какой период зародилась русская мысль — со «Слова о законе и благодати», с работ Петра Чаадаева или Владимира Соловьева. Однако, благодаря великой литературе, плеяде дореволюционных философов и во многом послереволюционных эмигрантов, попытавшихся по-своему осмыслить и освоить европейскую мысль (как когда-то европейская мысль осваивала античное наследие), очень сложно соглашаться с тем, что философии как таковой в России нет. Хронологически Алексей Федорович Лосев был одним из представителей той философской

традиции, которую развивали интеллектуалы Серебряного века. И несмотря на статус филолога-классика и антиковеда, он был не просто исследователем античности или, позже, углубленных проблем языка¹, но именно философом со своими попытками построить самобытную систему.

К осмыслению значения русской философии Лосев предметно обращался трижды: в начале (статья «Русская философия», изданная в 1919 году на немецком языке для швейцарского журнала «Russland»²), в середине (1940-е годы) и в конце века (и жизни) (в работе «Владимир Соловьев и его время», изданной посмертно в 1990 году стараниями А. А. Тахо-Годи). Что само по себе очень символично, он начал жизнь и завершил ее одной и той же темой, проложив тем самым прочный культурный мост над бездной социально-идеологических потрясений. О путях русской философии много писал С. С. Хоружий, утверждая, что это философия «после перерыва». С его точки зрения, русская философия в своем расцвете была прервана революцией, и именно Лосеву выпала судьба *склеивания позвонков*, после разных великих переломов. «Так что же — кто сумел? кому выпало склеить? — задается вопросом он. — Среди немногих имен и судеб, которые можно назвать в ответ, имя Алексея Федоровича Лосева — из самых бесспорных. Да, ему довелось. Лишь тот может склеить позвонки двух столетий, кто кровно связан с обоими» [Хоружий, 1994, с. 208].

Лосев, оставшийся в стране русский философ, пытается продолжать начатую предшественниками традицию и в этом смысле оказывается живым интеллектуальным мостом между досоветским и послесоветским временем. Не дожив два года до падения Советского Союза, он оставил большой корпус сочинений, своими корнями идейно восходящий к философии Владимира Соловьева. Соловьев был для Лосева зачинателем нового этапа формирования самобытной русской мысли, избавленной, как он писал, от несистемности и мечтательности славянофилов и представленной как строго понятийная система. Именно о такой философии Лосев и грезил в ранней статье «Русская философия», говоря о том, что несмотря на плеяду великолепных умов, системной философии в России еще не было создано. «Нигде недостаток философских систем не очевиден настолько, насколько это имеет место именно в России» [Лосев, 2014b, с. 236], — отмечает он и добавляет, что русская философия — философия великой литературы, через которую отечественные мыслители выражают осмысление действительности³.

¹ Основные корпусы работ Лосева — по античности и философии языка, в поздний период — по языкознанию.

² Об истории создания, контексте и переводе подробным образом изложено в работе Е. А. Тахо-Годи «Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919» [Тахо-Годи, 2014].

³ У Лосева тоже написано немало прозы, среди которой большое место посвящено осмыслению советской идеологии как платонической утопии, которую он анафематствует.

Изданная вскоре после октября 1917 года работа «Русская философия» в какой-то степени задает основную интенцию лосевского замысла относительно ее развития, ее самобытных черт и тех задач, которые мыслитель хотел поставить перед собой⁴. Рассуждая о различиях западной и отечественной мысли — по сути, через это различие — он раскрывает существо последней. Мысля антиномично, что является неотъемлемой чертой выстраивания Лосевым философской аргументации, он и восхваляет иррационализм русской мысли, и его же критикует; равно как и восхваляет, и критикует европейскую рациональность. Критикуя западный рационализм, он отмечает:

В начале новой философии разум, *ratio*, был возвышен до основного принципа всего миропонимания. В своей постоянной борьбе с мистицизмом средневековья новейшая философия оторвалась от темной, хаотической основы разума, сознания, от иррациональной, творческой космической питательной почвы. В борьбе с тем же мистицизмом она оторвалась и от неба, от сверкающих вершин разума, возвышавшихся в благословенной и мирной небесной голубизне. Безвозвратно ушли времена поэтов-философов Платона и Данте. Вместо живой гармонии цельного, нераздельного Логоса и музыкального народного мифа в новой философии сложилось представление о поэзии как как только вымысле и развлечении и понимание природы как безрелигиозной, механистической целостности.

[Лосев, 2014b, с. 241]

С другой стороны, Лосев восхваляет системность западных философов — своих любимых оппонентов — Гуссерля, Гегеля, неокантианцев, методологию которых берет на вооружение для собственных разысканий. В этом кроется бесконечный антиномизм Лосева, уловивший сущность классической «русскости», которую очень удачно выразил В. К. Кантор в книге «Крушение ку миров»: «В той мере, в какой мы остаемся в восточном прошлом, вернее, в той степени, в какой оно живет в нашей культуре, мы переживаем, а не мыслим себя, довольствуясь так называемым чувством законной гордости за нашу вне-рефлексивную глубину и широту» [Кантор, 2011, с. 25]. Однако Лосев на ней не

⁴ В этот период совсем еще молодой философ Лосев был довольно активен, несколько раз публиковался в анархистской газете «Жизнь» (о том как Лосев попал в лагерь анархистов есть только версии [Тахо-Годи, 2014]), в том числе с заметкой о русской философской литературе, и планировал присоединиться как редактор к серии книг о русской национальности «Духовная Русь», которую совместно с ним разрабатывал Вяч. Иванов и С. Булгаков. Последнее так и осталось только на уровне договоренностей, хотя Лосев успел написать для сборника статью о Рихарде Вагнере, которая увидела свет много позже.

остановился, но попытался создать на основе этого чувства сверхрациональную систему.

В статье «Русская философия» Лосев (здесь он, правда, во многом следует В. Ф. Эрну⁵) совершает противопоставление русской и европейской мысли, вводя понятия «рацио» и «логос»⁶. Критикуя западную сухую рациональность, он говорит о мистическом *ведении*, доступном русской философии. «Ratio — человеческое свойство и особенность. Логос — метафизичен и божественен» [Лосев 2014b, с. 243], — отмечает он, отсылаясь, конечно, к евангельскому Логосу как источнику подлинного знания. Русская философия, считает Лосев, никогда не согласится с тем, что истину можно познать сугубо рациональным путем, ибо она мистична. Здесь нужно сразу оговориться, что под мистикой мыслитель не понимает что-то исключительно религиозное или, грубо говоря, паранормальное. Напротив, мистицизм, с точки зрения Лосева, естественен русской философии, но понимает он его как высший синтез идеального и материального, который и есть действительность. В этом, по существу, и заключается его развитая концепция символизма. Он отмечает: «Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным ratio и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [Лосев, 2014b, с. 245]. То есть логосом русской философии является ее мистичность и онтологизм⁷. Но когда мы говорим про мистицизм, это совсем не означает, что русская философия есть некое мракобесие спиритуалистического толка, как выразился бы Лосев в «вульгарном и обывательском представлении о мистике» [Лосев, 2009, с. 499], или «переживание всякого рода сверхъестественных явлений (...) как наличие галлюцинаций» [Лосев, 2009, с. 504]. Лосев пишет:

Если спросить самого Вл. Соловьева, что он понимает под мистикой, то он скажет, что это есть учение о всеединстве. Но это учение строится у него с употреблением строгих философских понятий и строится диалектически, так что у нас нет никаких оснований считать его в этом отношении мистиком. Правда, если все присутствует во всем, то каждый момент этого всего является предельно насыщенным излиянием всеединой общности. Тогда каждый предмет дей-

⁵ См., например: [Эрн, 1991].

⁶ О. В. Марченко прослеживает рецепцию идей Эрна в данной работе А. Ф. Лосева, подчеркивая, что зачастую факт несамостоятельности этой лосевской идеи опускается исследователями [Марченко, 2013].

⁷ В более позднем тексте о русской философии (1940-х годов), изданной посмертно, Лосев обозначил еще две основные черты — соборность и подвижничество [Лосев, 2014а, с. 281–288].

ствительно получает огромную символическую нагрузку, и в этом смысле всякий может сказать, что здесь есть нечто мистическое.

[Лосев, 2009, с. 509]

По большому счету, задача постсоловьеской мысли — осмыслить (по сути, христианский) иррационализм актуальными рациональными методами. Этим, естественно, занимался не один Лосев, освоив дискурс философии Серебряного века. Интересно то, как мыслитель справился с этой задачей, ведь именно в этом и заключается лосевский символизм. Более того, лосевский символизм — это еще и учение о духовной телесности (Софии), которая, иными словами, есть философия, осмысляющая возможность богочеловечества. Мистицизм, по Лосеву, — это неразрывное восприятие идеи и материи. Уже здесь можно увидеть оригинальный вклад философа в общее дело русской религиозной философии. Рациональность не может исчерпать мистическую религиозно-аскетическую основу жизни, отстаиваемую Лосевым. Лосев не просто проводит различие русской и европейской философии, но выделяет сущностную основу, закладывающую базис для системного мышления. По большому счету, без такого мышления философия не является философией, но только комментированием чужих трудов. И какой бы виртуозный характер ни носила последняя, без сущностной основы она лишь словесный симулякр.

Теперь зададимся вопросом: перешел ли этот мистицизм, который Лосев обозначает как главную черту русской философии, в советское время? Прошел ли тезис Лосева проверку новой идеологией, в том числе подчеркнута атеистической? Исчезает ли «русскость бытия»? Не секрет, что идеологемы Советского Союза носили местами парарелигиозный характер и мистической компоненты не теряли (примеров можно приводить очень много, начиная со своеобразного культа мертвых, распространения разного рода космистских идей, ритуальных форм организации пропаганды и поддержания идеологии, и кончая так называемым сциентизмом: даже позитивизм в Советском Союзе превратился в сциентизм — веру в науку). На это, собственно, Лосев обращал внимание в «Диалектике мифа», подчеркивая мифологическую составляющую развертывающейся в социуме идеологии. Рацио и логос, по Лосеву, вообще находятся в постоянной борьбе в истории философии: «...на первый план больше выступает то ratio, то логос, то теневая сторона “разума” — абстрактный рационализм, то теневая сторона “слова” — беспринципный и темный алогичный мистицизм» [Лосев, 2014b, с. 251].

Обратимся теперь к другому полюсу лосевской антиномии. Что он имеет в виду под рациональностью? Что он критикует на самом деле? Ведь Лосев

никогда не отвергал западное «рацио» как форму. Напротив, восхищался им, восхищался тем, как Соловьев использует его в собственных целях. Вот, к примеру, что Лосев пишет о правильной применимости рационализма:

Уже юный Вл. Соловьев резко отличался признанием исторической необходимости западного рационализма. Вл. Соловьев — против рационализма, который для него является такой же пустой односторонностью, как и противоположный ему эмпиризм. Но и рационализм и эмпиризм под руководством изначального и непосредственного авторитета веры должны занять свое неопровержимое место в системе цельного человеческого знания.

[Лосев, 2009, с. 125]

Для визионера Соловьева мистическая компонента и мистическое откровение были чертами, неотъемлемыми от гнозиса. А мир, предстоящий перед глазами мыслителя, — духовный и материальный — взят как целое. Духовная сфера для Соловьева так же реальна и осязаема, как и материальная. На этом в большей степени акцентирует внимание и сам Лосев, склонный к системному мышлению. Когда сам Лосев противопоставляет «западное рацио» и «русский логос», он делает это не столько с целью отказа от западных ценностей, сколько для более плодотворного диалога, в процессе которого проясняются различия, способствующие рождению самобытной мысли. В своей поздней работе по Соловьеву он многократно подчеркивает, что соловьевская мысль — уже преодоленный в синтезе спор западников и славянофилов.

Эта тема, противостояния русского — западному, в дальнейшем останется и разовьется в творчестве Лосева критикой европейского модерна (в частности, новоевропейской метафизики, которую он считал безжизненной и абстрактной); критикой выхолощенного позитивизма («Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию» [Лосев, 2022, с. 68]; методологически — противостоянием *живой диалектики* и *злой абстрактной метафизики* (о чем будет много уже в его «Философии имени», 1927). Если еще больше углубляться в тему, можно увидеть, что критерием этой критики у него является забытая на западе апофатическая концепция непознаваемости Бога⁸, на которой, по сути, держится *мистическое ведение*. Снова обратимся к тексту «Русская фило-

⁸ Если уточнять, то на момент работы Лосева над темой апофатическая концепция действительно не была популярна, разве только присутствовала как элемент антиковедческого анализа, чего нельзя сказать уже о второй половине XX века, когда преимущественно континентальная философия и теология обратит на нее внимание.

софия», где он описывает учение Соловьева: «...существует много различных вещей и, следовательно, они только тогда могут быть истиной, если они принадлежат к тому же самому *Единому*, которое и является настоящей истиной. Но и это Единое не есть истина, поскольку оно стремится отрицать и не включать в себя Многое, ибо Многое в Едином есть Всё. Следовательно, только положительное единство или Все-Единство может быть настоящей и полной истиной. Таким образом, есть истина, истина *есть* Всё, истина *есть Единое*». [Лосев, 2014а, с. 263]. Подлинное живое бытие для Лосева — бытие божественное, бытие Единого (центрального понятия христианского неоплатонизма, который Лосев считал вершиной философского знания)⁹. Будучи адептом антично-средневекового платонизма, Лосев настаивает на его уникальности по отношению к новоевропейским системам. Грех рационализма в том и заключается, что он попытался верифицировать тайну (оправдать бытие Бога, человека, познать его психику — иными словами, механизировать живой мир). «Начиная с Византии абсолют медленно, но совершенно постоянно и неуклонно тощает и худеет, передавая свое могущество тому или иному виду самого инобытия» [Лосев, 2016, с. 330], — пишет он в работе «Николай Кузанский и диалектический перво-принцип в антично-средневековой философии» (тоже посмертно опубликованный текст). В указанной работе Лосев показывает, что происходит это вследствие рационализации понятия абсолюта в европейской схоластике (под влиянием Аристотеля), что и привело в дальнейшем ко все большему и большему истощению логоса, к метафизическим абстрактным системам (ставящим на первое место не апофатическое абсолютное (Бога), а инобытие — понятие Бога, понятие индивида, материю и т. д.), процессу секуляризации и распространению того самого рацио. Именно генологией (или разработкой абсолютной диалектики — диалектики божественного бытия) Лосев в дальнейшем обосновывает мистицизм — уверенность в вещах невидимых, которые невозможно заковать в рамки логики, но можно методично собрать в систему, где будет место тайне.

Хотя всякая диалектика (и в том числе античная) строится в понятиях, при помощи понятий, но не всякая диалектика имеет своим предметом понятие. Античная диалектика, говорили мы, имеет своим предметом не понятие и даже вообще не смысл просто, но в то же время и не бытие просто, а нечто более глубокое. Что же это такое, как его реально себе представить? Мне ка-

⁹ О принадлежности философии А. Ф. Лосева христианскому неоплатонизму написано очень много работ.

жется, есть одна такая смысловая структура, которая глубже, чем понятие и чем бытие ⟨...⟩ и которая есть подлинный предмет античной диалектики. Это именно число. ⟨...⟩ Вот почему диалектический перво-принцип формулирован тут числовым образом: говорится именно об едином, одном. Вот почему он характеризуется как благо: под этим ведь мыслится, как мы видели, не что иное, как слаженность, сконструированность бытия и жизни.

[Лосев, 2016, с. 357–358]

Иными словами, задача русской философии как раз и заключается в создании системной философии на основе Откровения, на основе религиозного ведения, логоса, Единого. В этом Лосев следует Соловьеву, подчеркивая, что несистематичное славянофильство сменяется у него попыткой системно и рационально мыслить, как бы исчерпывая этим сам конфликт и задавая иной стандарт философствования. Под конец жизни отечественный философ в более холодной форме выражал свое отношение к ряду его мыслей; а к частой критике крайнего рационализма прибавилась и предметная критика крайнего мистицизма. В частности, невзирая на огромное значение категории Софии для его собственной диалектической системы, даже критиковал его ранние тексты на эту тему. «Здесь мы находим то, что можно назвать стихийным и неистовым бурлением разного рода сложных страстей философского, теософского и оккультного характера вперемежку с тем, что иначе и нельзя назвать, как философским бредом. По-видимому, здесь Вл. Соловьев находился под сильным влиянием изучения теософско-оккультной литературы в Британском музее, причем влияние это доходило у него до курьеза, до бреда, до таких вымыслов» [Лосев, 2009, с. 199], — высказывался он о работе «София»¹⁰. Тем не менее взвешенная мистическая позиция никуда не уходит из его творчества, и сам факт того, что в последнем труде Лосев, который параллельно с работой над многотомной «Историей античной эстетики», уже довольно долго занимался углубленными вопросами языкознания, снова вернулся к теме русской философии, выглядит символично и говорит о том, что веру в ее развитие он не оставил. Ранние идеи Лосева об особенном пути русской философии обрели обоснованный характер в его работах как противопоставление восточнохристианской диалектики абсолюта рационалистической новоевропейской метафизике абсолюта, логоса и рацио. Начинает Лосев свой творческий путь с сетова-

¹⁰ Типичный пример того, как логос, по словам Лосева же, превращается в «темный алогичный мистицизм».

ний на публицистичность и недостаточную системность русской философии — заканчивает свой жизненный путь собственными многотомными методологически выверенными изданиями.

Список источников

Кантор В. К. «Крушение кумиров» или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 608 с.

Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: В 2 т. М.: Время, 2002. Т. 1. 576 с.

Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 167 с.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М.: Издательский Дом ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.

Лосев А. Ф. Николай Кузанский и диалектический перво-принцип в антично-средневековой философии // Лосев А. Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: В 2 т. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 1. С. 317–360.

Лосев А. Ф. Основные особенности русской философии // Тахо-Годи Е. А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. С. 281–288.

Лосев А. Ф. Русская философия // Тахо-Годи Е. А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. С. 233–273.

Марченко О. В. А. Ф. Лосев и В. Ф. Эрн: заметки к истории творческих взаимоотношений // Творчество А. Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции: К 120-летию со дня рождения и 25-летию со дня смерти / Материалы Международной научной конференции XIV «Лосевские чтения». В 2 ч. М.: Дизайн и полиграфия, 2013. Ч. II. С. 65–72.

Тахо-Годи Е. А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. 344 с.

Хоружий С. С. Арьергардный бой // Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. С. 208–253.

Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71–108.

References

Kantor, V. K. (2011) «*Krushenie kumirov*» ili *Odolenie soblaznov (stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii)* [“The collapse of idols”, or Overcoming temptations (the formation of a philosophical space in Russia)]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN).

Losev, A. F. (2002) «*Ya soslan v XX vek...»*: V 2 tomakh. Tom 1 [*“I Was Exiled to the Twentieth Century...”*: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Vremya.

Losev, A. F. (2009) *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [*Vladimir Solovyev and his Time*]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Losev, A. F. (2022) *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [*The Dialectic of Myth. Supplement to the “Dialectics of Myth” (New Academic Edition, Revised and Supplemented)*]. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK; Gnozis.

Losev, A. F. (2016) “Nikolai Kuzanskii i dialekticheskii pervo-printsip v antichno-srednevekovoi filosofii” [*“Nikolai Kuzansky and the Dialectical First Principle in Ancient and Medieval Philosophy”*], in Losev, A. F. *Nikolai Kuzanskii v Perevodakh i Kommentariyakh: V 2 tomakh. Tom 1* [*Nikolai Kuzansky in Translations and Commentaries: in 2 vols. Vol. 1*]. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK, pp. 317–360.

Losev, A. F. (2014a) “Osnovnye osobennosti russkoi filosofii” [*“The Main Features of Russian Philosophy”*], in Takho-Godi, E. A. *Aleksei Losev v epokhu russkoi revolyutsii: 1917–1919* [*Alexey Losev in the Era of the Russian Revolution: 1917–1919*]. Moscow: Modest Kolerov, pp. 281–288.

Losev, A. F. (2014b) “Russkaya filosofiya” [*“Russian Philosophy”*], in Takho-Godi, E. A. *Aleksei Losev v epokhu russkoi revolyutsii: 1917–1919* [*Alexey Losev in the Era of the Russian Revolution: 1917–1919*]. Moscow: Modest Kolerov, pp. 233–273.

Marchenko, O. V. (2013) “A. F. Losev i V. F. Ern: zametki k istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenii” [*“A. F. Losev and V. F. Ern: Notes on the History of Creative Relationships”*], in *Tvorchestvo A. F. Loseva v kontekste otechestvennoi i evropeiskoi kul'turnoi traditsii: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya i 25-letiyu so dnya smerti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XIV «Losevskie chteniya». V 2 ch. Chast' 2* [*The Works of A. F. Losev in the Context of Russian and European Cultural Tradition: On the 120th Anniversary of His Birth and the 25th Anniversary of His Death. Proceedings of the XIV Losev Readings International Scientific Conference. In 2 parts. Part 2*]. Moscow: Dizain i poligrafiya, pp. 65–72.

Takho-Godi, E. A. (2014) *Aleksei Losev v epokhu russkoi revolyutsii: 1917–1919* [*Alexey Losev in the Era of the Russian Revolution: 1917–1919*]. Moscow: Modest Kolerov.

Horuzhij, S. S. (1994) “Ar'ergardnyj boj” [*“Rearguard battle”*], in Horuzhij, S. S. *Posle pereryva. Puti russkoj filosofii* [*After the break: Paths of Russian philosophy*]. St. Petersburg: Aletejya, pp. 208–253.

Ern, V. F. (1991) “Nechto o Logose, russkoi filosofii i nauchnosti” [*“Something about Logos, Russian philosophy and science”*], in Ern, V. F. *Sochineniya* [*Works*]. Moscow: Pravda, pp. 71–108.

Информация об авторе: Ирина Викторовна Гравина — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Irina V. Gravina — PhD in Philosophy, Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2025;
принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 27.05.2024;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 10.06.2025.